

допустимым посылать в Маньчжурию даже небольшие группы специалистов для разведки месторождений. По их мнению, это привлекло бы внимание иностранцев и определённо активизировало бы их активность в Северном Китае. Возможно, что министр финансов не столько проявлял осторожность, сколько не хотел того, чтобы природные богатства Северного Китая оказались в руках военных. Всего лишь несколько месяцев спустя С.Ю. Витте сам начал борьбу за обладание маньчжурскими концессиями.

Впрочем, пока расхождения в позициях Военного министерства и Министерства финансов не носили ещё непримиримого характера, во многих пунктах относительно дальнейших действий России в Китае они сходились, а перспективы были слишком туманны, чтобы настаивать на детальной программе на будущее. Так, Д.Д. Покотилов предлагал С.Ю. Витте «не гоняться» за двором, бежавшим из Пекина, а сосредоточиться на переговорах с местными китайскими властями в надежде, что их результаты войдут составной частью в общее соглашение с Китаем⁵⁴. Это немногим отличалось от предложений военных. Рамки же русского курса определялись в правительственном сообщении 19 сентября 1900 г., в котором Петербург обещал не аннексировать Маньчжурию⁵⁵.

8.3. Начало русско-китайских сепаратных переговоров

Правительственное сообщение совпало по времени (наверное, не случайно) с началом русско-китайских контактов по поводу Маньчжурии. 25 июля 1900 г. Ли Хунчжан заявил китайским представителям за границей, что он уполномочен вести переговоры с державами о мире⁵⁶. В конце августа 1900 г. российского посланника М.Н. Гирса в Пекине тайно посетил князь Цин⁵⁷. Это был первый за несколько месяцев контакт с представителем китайского правительства. В начале сентября 1900 г. в Таку и Тяньцзине Ли Хунчжан имел встречи с Е.И. Алексеевым, в ходе которых он просил адмирала не вводить русские войска в Мукден (они всё-таки появились там 18 сентября), обещая взамен, что цзянь-цзюням будет предоставлена возможность самостоятельно

⁵⁴ Д.Д. Покотилов – С.Ю. Витте 20 сентября 1900 г. // Там же. Л.1–4.

⁵⁵ Пролог... С.137. Правительственному сообщению предшествовали неоднократно данные иностранцам (например, англичанам) уверения в том, что Россия обязательно очистит Маньчжурию. С таким заявлением российский посол в Лондоне посетил Форин офис 16 (28) августа 1900 г. (Форин офис – Ч. Скотту 28 августа 1900 г. // PRO FO. 65/1597. P.123). на следующий день, 17 августа, В.Н. Ламздорф лично разъяснял в Петербурге британскому послу, что Россия не собирается вечно оккупировать Маньчжурию (Ч. Скотт – Р. Солсбери 30 августа 1900 г. // PRO FO. 65/1600. P.241).

⁵⁶ Пролог... С.109.

⁵⁷ Коростовец И.Я. Указ. соч. С.93.

договариваться с русскими и что их соглашения будут признаны Пекином⁵⁸. Несмотря на растерянность, царившую в китайских верхах после взятия столицы объединённым отрядом держав, Ли Хунчжан уже начал игру в уступки и интриги, надеясь обещать и ссорить. В частности, сановник сразу предложил Е.И. Алексееву стать уполномоченным России на переговорах с Китаем. Ли Хунчжан рассчитывал на его дипломатическую неопытность и немеревался вбить клин между главным начальником Квантунской области и немецким фельдмаршалом А. Вальдерзее, а также российским посланником М.Н. Гирсом, скептически относившимся к адмиралу⁵⁹.

Кажется, в Петербурге не вполне понимали, чего России следует добиваться в Пекине. С.Ю. Витте, стремясь сохранить своё влияние, отправил туда частным эмиссаром хорошо известного китайцам князя Э.Э. Ухтомского, председателя правления Русско-Китайского банка⁶⁰. Несмотря на то, что его предыдущий визит в Пекин весной–летом 1897 г. был неудачен и сопровождался рядом полускандальных обстоятельств, князю, тем не менее, опять поручили ответственнойшую и деликатную миссию. Ему следовало установить неофициальный контакт с руководством Поднебесной для урегулирования отношений. Так как двор и большинство сановников бежали из столицы до появления европейцев, Э.Э. Ухтомскому пришлось довольствоваться в основном беседами с Ли Хунчжаном и его окружением. Уже после первой встречи с сыном престарелого сановника Ли Цзинфаном, состоявшейся 17 сентября, князь поспешил отрапортовать: Китай согласен полностью удовлетворить все желания России, уплатить «очень крупную контрибуцию», отдать Петербургу «в безусловную эксплуатацию» все богатства Монголии и Кашгара и разрешить русское переселение туда – и это лишь при условии, что Россия «в принципе заявит только великодушный отказ присвоить» Маньчжурию⁶¹. Э.Э. Ухтомского не насторожил тот факт, что китаец оговорился: уступки России не должны были увеличить требовательность других держав. Это означало, что они могли осуществляться лишь негласно, так как все победители ревниво относились к успехам друг друга. Своими предложениями Ли Хунчжан также подталкивал Россию к тому, чтобы возражать против условий союзников и, следовательно, вносить в них диссонанс. Поведение сановника также показывало, что растерянность китайских верхов проходила, они быстро возвращались к своим обычным приёмам – ссорить между собой членов коалиции. Разумеется, Ли Хунчжан, отлично понимая, что представляет из себя

⁵⁸ Там же. С.97–98. Слова Ли Хунчжана не были зафиксированы письменно, чем позже он воспользовался и отказался от них.

⁵⁹ Там же. С.102–104.

⁶⁰ Э.Э. Ухтомский прибыл в Шанхай 16 сентября 1900 г. (Романов Б.А. Указ. соч. С.263).

⁶¹ Э.Э. Ухтомский – С.Ю. Витте 18 сентября 1900 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.196. Л.1

Э.Э. Ухтомский, стремился превратить князя в своё орудие. Среди прочего он намеревался с помощью России давить на двор, чтобы тот поскорее вернулся в Пекин и таким образом иметь близкий контакт с императрицей. Князь писал: «Как только Ли Хунчжан получит возможность устно влиять на императрицу и сокрушить вокруг нас изуверов, он обещает всё сделать в интересах России». В случае неудачи сановник пугал Петербург бегством двора дальше, в горы, остановкой платежей по займам и усилением анархии на севере Китая⁶². Не забыл он также напомнить и о том, что получил лишь часть обещанной ему в 1896 г. взятки, но министр финансов решил пока ничего китайцу не выдавать. Ли Хунчжан заметно разочаровался, впрочем, это обстоятельство вряд ли оказало существенное влияние на ход переговоров⁶³.

Похоже, что вопрос о взятках явился также одним из тактических ходов престарелого китайца. По сути, это был единственный упрёк, который он мог адресовать С.Ю. Витте. То есть, в этом вопросе не ему, а министру финансов приходилось оправдываться. Такое распределение позиций было исключительно важно для китайца перед началом переговоров. Не случайно Э.Э. Ухтомский сообщал в Петербург: «Со времени [моего] прибытия Ли Цзинфан постоянно преследует горькими упрёками за недодачу второго платежа». Думается, неспроста эти упрёки сопровождались просьбами остановить грабёж в Маньчжурии и ускорить уход немцев (!) из Пекина⁶⁴. Однако поза «обиженного» возымела действие лишь на незадачливого князя. На попытку заступиться за Ли Хунчжана он получил от министра финансов разъяснение, что тот не считал себя виноватым или чем-то обязанным китайскому сановнику, так как события «нарушили все обещания самого Ли Хунчжана и нанесли нам громадные убытки»⁶⁵. Отказ С.Ю. Витте не остановил просьбы, но к ним добавился новый аргумент: «Ли Цзинфан говорит, что обещанными суммами [Ли Хунчжан – И.Л.] поддерживал связь с влиятельными лицами при дворе». Как только деньги кончились – «надвинулись беды». «Без этих денег он будто бы бессилён по-прежнему восстановить авторитет при дворе»⁶⁶. Получалось, что министр финансов, не желающий дать денег, сам виноват в том, что переговоры с Китаем могут оказаться безуспешными. С.Ю. Витте и на этот раз не поверил китайцу, а Э.Э. Ухтомскому предписал вступить в прямой контакт с Ли Хунчжаном (возможно, он подозревал, что за просьбами денег стоит исключительно его окружение)⁶⁷. Интересно, что

⁶² Э.Э. Ухтомский – С.Ю. Витте 27 сентября 1900 г. // Там же. Д.868. Л.35.

⁶³ Романов Б.А. Указ. соч. С.265–266.

⁶⁴ Э.Э. Ухтомский – С.Ю. Витте 23 сентября 1900 г. // РГИА. Ф.560. Оп.22. Д.196. Л.32.

⁶⁵ С.Ю. Витте – Э.Э. Ухтомскому 25 сентября 1900 г., с согласия Николая II // Там же. Л.34.

⁶⁶ Э.Э. Ухтомский – С.Ю. Витте 29 сентября 1900 г. // Там же. Д.211. Л.38.

⁶⁷ С.Ю. Витте – Э.Э. Ухтомскому 29 сентября 1900 г. // Там же. Л.39.

после такого ответа тема взяток более не вмешивалась в ход переговоров, и это несмотря на то, что Ли Хунчжан так и не получил ничего, в том числе и из давно обещанного.

История со взятками показала, что, как и следовало ожидать, Э.Э. Ухтомский не сделал должных выводов из неудачи своей предыдущей миссии 1897 г. и был совершенно не пригоден к выполнению деликатного дипломатического поручения, прежде всего, из-за собственной непреодолимой недалёкости. Вместо того, чтобы играть роль частного лица, как это задумывалось, он представлялся посланцем царя. Князю хотелось, чтобы его миссия освещалась публично как приезд представителя России с полномочием вести переговоры с Китаем, а его окружили соответствующими почестями. Э.Э. Ухтомский снова поссорился с российским посланником (на сей раз им был не А.И. Павлов, а М.Н. Гирс), утверждая, что дипломат действует неправильно⁶⁸. Князь провёл в Пекине несколько месяцев, чуть ли не ежедневно ведя с Ли Хунчжаном продолжительные беседы. Китаец всё время «кланялся» ему богатствами Монголии и Маньчжурии, скромно оговариваясь, что хорошо бы, чтобы при их эксплуатации псевдочастными компаниями «известная доля прибыли могла бы улыбнуться в будущем бедной казне Китая»⁶⁹. Ли Хунчжан даже выражал готовность «осуществить план передачи нам [возможности] эксплуатации всех богатств Застенного Китая, т.е. чего-то совершенно необъятное, с правом иметь собственную охрану, концессии, если мы оставим за богдыханским правительством сюзеренные права»⁷⁰. Князь не понимал игру китайца (заманить обещаниями грандиозных привилегий, чтобы тянуть время и добиваться небольших, но важных для Пекина уступок), воспринимал его посулы всерьёз, поэтому предлагал немедленно действовать и горько жаловался на медлительность российских дипломатов. Конечно, вся поездка Э.Э. Ухтомского никаких результатов не имела, но удивительно, что на приманку, предложенную старым китайским сановником, клюнул целый ряд сановников, в том числе и уже опытный в восточных делах С.Ю. Витте.

В Петербурге же надеялись на Ли Хунчжана как на старого знакомого, с которым несколько лет назад уже установили необходимый контакт и успешно вели переговоры. Для начала следовало решить, чего требовать от Китая в качестве компенсаций за боксёрское восстание. С.Ю. Витте предлагал минимизировать будущую контрибуцию Поднебесной (совсем отказаться от неё, по мнению министра финансов, было невозможно из-за интересов других держав) и намеревался брать её не деньгами, а концессиями и преимуществами⁷¹.

⁶⁸ Романов Б.А. Указ. соч. С.277.

⁶⁹ Э.Э. Ухтомский – С.Ю. Витте 6 ноября 1900 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.868. Л.75.

⁷⁰ Телеграмма Э.Э. Ухтомского 21 ноября 1900 г. // Там же. Д.190. Л.128.

⁷¹ Записка С.Ю. Витте «По вопросу о предстоящих мирных переговорах с Китаем», одобренная Николаем II 11 октября 1900 г. // Там же. Д.868. Л.47–48.

Военные (А.Н. Куропаткин – осторожно, а Н.И. Гродеков – прямо) стремились к территориальным приобретениям и интересовались не столько контрибуцией, сколько возможностью разместить русские войска в Маньчжурии на неопределённое время. Н.И. Гродеков также хотел бы подчинить себе всех маньчжурских цзянь-цзюней для удобства командовать ими напрямую и без всякого участия Пекина⁷². Можно сказать, что они мечтали об аннексии Маньчжурии, но пока боялись произносить это слово вслух.

С.Ю. Витте, понимая опасность генеральских желаний, старался по мере возможности противодействовать им. Он считал недопустимым напрямую руководить китайскими губернаторами, вообще выступал против чрезвычайных мер, но ему пришлось признать: «Оккупация эта, несомненно, может затянуться на многие годы»⁷³. Несмотря на утверждение министра финансов, что «Россия Маньчжурию брать не предполагает»⁷⁴, он же почти одновременно заявлял: «Маньчжурию мы оставим лишь тогда, когда всё успокоится и все наши требования будут выполнены»⁷⁵. «Когда всё успокоится» – означало неопределённо долгий срок, так как конца китайской смуты ожидали не ранее, чем через десятилетия. Эти фразы С.Ю. Витте оставляют впечатление противоречивости и отсутствия у него ясной и чёткой позиции и в конце 1900 г.: противопоставить прямым решениям военных ему оказалось нечего. Однако министр финансов сохранял весьма значительное влияние на дальневосточные дела, поэтому в правилах русского правительственного надзора в Маньчжурии нашла отражение прежде всего его позиция: генералы получили право лишь «общего наблюдения», а не руководства действиями цзянь-цзюней и фудутунов, для чего при китайских чиновниках учреждались должности русских дипломатических агентов⁷⁶.

8.4. Договоры русских властей с цзянь-цзюнями

Можно предположить, что инициатором сепаратного соглашения России и Китая выступил не Петербург, а Пекин. Конечно, сделал он это не открыто, а подсказывая подобную идею русским дипломатам и эмиссарам вроде князя Э.Э. Ухтомского. Пекинские правители также опасались, что Россия в любой момент могла ввести собственную администрацию в Маньчжурии⁷⁷. Поэтому

⁷² Телеграмма Н.И. Гродекова А.Н. Куропаткину 10 октября 1900 г. // Там же. Д.763. Л.226 об. – 227 об.

⁷³ С.Ю. Витте – А.Н. Куропаткину 25 октября 1900 г. // Там же. Л.228–232.

⁷⁴ С.Ю. Витте – Э.Э. Ухтомскому 23 ноября 1900 г. // Там же. Д.196. Л.30.

⁷⁵ С.Ю. Витте – Д.Д. Покотилову 25 октября 1900 г. // Там же. Л.14.

⁷⁶ Правила русского правительственного надзора в Маньчжурии, утверждённые журналом Особого совещания 31 октября 1900 г. // Там же. Д.763. Л.233 об. – 235 об.

⁷⁷ Коростовец И.Я. Указ. соч. С.127.